

Тихомиров Сергей Александрович

**ИГРУШКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

В статье игрушка рассматривается как культурная универсалия, присутствующая как в мире детей, так и взрослых, обладающая исторически меняющейся функциональной спецификой. Осмысляются основные направления исследования игрушки как феномена повседневной культуры с позиций идей междисциплинарности.

Автор отмечает, что существенную роль в интерпретации и систематизации фактов об игрушке играют такие научные дисциплины как культурология, социология, психология и педагогика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/6/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (108). С. 92-95. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

10. Тененёва Н. В. Параконцептуальные заимствования в англоязычном педагогическом дискурсе // Язык профессиональной коммуникации в условиях межкультурного диалога: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес – Наука – Общество», 2013. С. 169-174.
11. Тененёва Н. В., Тененёва И. В. Кодовые переключения как стратегия сохранения национальной идентичности в условиях билингвизма // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 166-170.

ON CONCEPTUAL MEANING OF TERMINOLOGICAL BORROWINGS

Teneneva Irina Vital'evna, Ph. D. in Philology
Southwest State University
irviten@yandex.ru

The article discusses the suitability of borrowing as a means of terminological nomination in the Russian language. To preserve the rational balance between the foreign and national units of the terminological system the author proposes to use the conceptual meaning of borrowings as a basic criterion. The paper concludes on the acceptability of the foreign verbalization of professional concepts, which are absent in the recipient terminology or have a special semantic colouring or associativity.

Key words and phrases: terminology; professional concept; conceptual, non-conceptual, para-conceptual borrowings.

УДК 316.728

Культурология

В статье игрушка рассматривается как культурная универсалия, присутствующая как в мире детей, так и взрослых, обладающая исторически меняющейся функциональной спецификой. Осмысляются основные направления исследования игрушки как феномена повседневной культуры с позиций идей междисциплинарности. Автор отмечает, что существенную роль в интерпретации и систематизации фактов об игрушке играют такие научные дисциплины как культурология, социология, психология и педагогика.

Ключевые слова и фразы: игрушка; культура детства; игра; культурная биография вещей; повседневная культура; вещь; традиционная культура.

Тихомиров Сергей Александрович, к. культурологии
Высшая школа народных искусств (институт), г. Санкт-Петербург
s-a-tihomirov@yandex.ru

ИГРУШКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На данный момент сложилось несколько философских концепций игры, где она по своему онтологическому статусу определяется как вид жизнедеятельности [2]. Перед нами не стоит задача вывести всеобъемлющее определение игры, поскольку играют и люди, и животные, но, если рассматривать игру как один из видов человеческой деятельности, следует признать, что она, помимо пространственно-временного, процессуального и ценностно-смыслового, имеет еще измерение «вещественное». «Вещественным наполнением» игровой деятельности будет выступать игрушка.

Игрушка – универсалия, которая присутствует в человеческой культуре, начиная с первобытности. К примеру, одна из древнейших игрушек – глиняная голова куклы, созданная морскими охотниками неолита, – была обнаружена недалеко от села Териберка (Кольский район Мурманской области) в ходе археологических раскопок (2010 г.). Кроме того, игрушка – культурная универсалия, поскольку сложно представить себе общество, которое бы не знало игрушки в том или ином виде.

Конечно, функциональная специфика игрушки на протяжении времени не оставалась неизменной. Для архаичной игрушки характерны синкретизм, сочетание обрядово-ритуальной, игровой, эстетической функций. Игрушка была «окутана» сакральными смыслами, а ее изготовление нередко сопровождалось молитвой или заклинанием, количество технологических операций в численном выражении могло быть строго регламентировано. Так, количество ударов топора при изготовлении традиционной деревянной игрушки на Русском Севере «могло быть 7 (по числу дней недели) для простой вещи, 12 (по числу месяцев в году) или 365 (число дней в году) для сложных предметов», что объясняет лаконичность и обобщенность формы изделий [10, с. 57].

Напротив, в современной игрушке, например, «забыта» апотропеическая (обережная) функция, а на первый план может выдвигаться эстетическая составляющая. Так, особую группу игрушек составляют коллекционные, по сути, не функциональные, предназначенные для собирания и любования, ценимые за уникальность

и эксклюзивность: это либо авторские произведения, либо изделия, выпущенные промышленным способом, но строго ограниченным тиражом.

В народной игрушке забвение магического содержания ведет к появлению художественных формул (например, в декорировании поверхности игрушки росписью), используемых мастерами в арсенале средств выразительности. Иными словами, современная игрушка как артефакт обладает «пучком функций» (П. Г. Богатырев), в которых системообразующими являются собственно игровая и художественно-эстетическая.

Игровой статус был завоеван игрушкой не в одночасье: как отмечает А. Сальникова, «на протяжении веков... из массового сознания» выдавливало «противопоставление игрушки массовой, народной, “низкой” игрушке “аристократической”, “изысканной”, “высокой”, исполнявшей зачастую лишь роль “накомодной статуэтки”» [11, с. 20]. Тем не менее, игрушка постепенно превращается в необходимый элемент детской повседневности, а «“степень ее присутствия в детском мире” становится максимальной» [Там же]. Ребенок – полноправный хозяин игрушки, который абсолютно свободен в том, как с игрушкой поступать: «Женя празднует рождение // Юбилею восемь лет! // Подарили гости Жене: // Пушку, танк и пистолет... // Что же ты наделал, Женя?! // Все сломал? Какой кошмар!.. // У меня разоруженье! // Громко крикнул юбиляр» (С. Михалков «Мир»).

Игрушка – артефакт, в первую очередь, детского мира, хотя она может занимать и пограничное положение между миром детей и взрослых. В качестве примера можно привести стратегию поведения «молодых взрослых» (“kidults”) – вполне состоявшихся людей, которые являются активными потребителями «культуры для молодых» [13]: дарят друг другу плюшевые игрушки на День св. Валентина, увлекаются компьютерными играми, просмотром мультфильмов на телеканале 2x2, активно посещают ночные клубы.

Распространение получают ностальгические сообщества в сети Интернет, пользователи которых умиляются, публикуя и разглядывая фотографии артефактов советского мира, в том числе старых детских игрушек [1]. Наконец, в пограничье детско-взрослого мира находится елочная игрушка, служащая скорее не игрушкой (с ней нельзя играть, она «недосыгаема» на елке), а знаком, маркирующим приближение праздника и ожидание чуда [11, с. 17-21].

Игрушка в мире взрослых – как правило, вещь-реликвия, которая обрастает семейными нарративами (повествованием), обладает мемориальной ценностью, хранит память о пережитых событиях и близких людях. В этом смысле игрушка, в «сжатом» виде концентрирующая в себе некий рассказ из истории конкретной семьи, аналогична фотоальбому, также воплощающему «идею семейную».

Подобная привязанность человека к вещам (причем не обязательно в сниженно-банальной трактовке) – специфическая черта отечественной культуры, во многом сформировавшаяся в советский период. Для советского человека изначально был чужд чисто потребительский подход к вещи, делающий ее одноразовой, а период «прощания» с вещью – быстрым и безболезненным. Вещь в советской культуре была «теплой», «домашней», а не безликой, чему способствовали как специфика государственной идеологии, так и объективные обстоятельства (товарный дефицит). Отношения человека с вещью выстраивались задолго до ее приобретения (ее «доставали»), сломавшуюся вещь, в том числе и игрушку, чинили кустарным способом (часто по причине невозможности приобрести аналогичную) или же реанимировали пришедшую в негодность вещь в совершенно ином качестве: «Разрезав пришедший в негодность детский резиновый мяч на две неравные части, вложите меньшую часть в большую... безотказно действующее приспособление для прочистки засорившейся раковины умывальника – готово!» [9].

Иными словами, вещь для советского человека – «не товар, а товарищ» (Е. Деготь), вследствие чего мы до сих пор можем наблюдать сохранение взрослыми людьми артефактов собственного детства (игрушки, детские книги и т.д.), однако это – вещи-маргиналии, не используемые, убранные в чуланы, кладовки и антресоли, но ожидающие «своего часа» – передачи «по наследству» детям владельца или его знакомых.

Интерес к игрушке у отечественных исследователей появился сравнительно недавно, на рубеже XIX-XX вв. Связано это с тем, что сам феномен детства был открыт только в XVIII веке, когда ребенок перестал пониматься как уменьшенная копия взрослого, и уже в XIX веке начала активно развиваться индустрия детских товаров. Кроме того, вторая половина позапрошлого столетия ознаменовалась активным поиском национальной самобытности в России, что позволило творческой интеллигенции обратить внимание на народные художественные промыслы в целом и на народную игрушку в частности, заняться ее собиранием и изучением.

Авангардисты начала XX века также не обошли вниманием народную игрушку. Известны слова Н. Гончаровой: «Кубизм – вещь хорошая, но не совсем новая. Скифские каменные бабы, крашенные деревянные куклы, продаваемые на ярмарках, – те же кубистические произведения» [Цит. по: 8], созданные до официального появления кубизма. Русская деревня – архаична, что мыслилось благом для художников, которым не надо ездить на Таити, как П. Гогену, или искать самобытные африканские маски на рынках, подобно П. Пикассо.

Изучение игрушки требует междисциплинарного подхода, поскольку данный феномен культуры предстает в многообразии аспектов и характеристик. Во-первых, игрушка может быть осмыслена как товар в системе материальных координат эпохи. В таком случае в фокусе внимания исследователя будут вопросы производства и опыта потребления игрушки разными группами (возрастными, гендерными, этническими, конфессиональными). Здесь же могут исследоваться технико-технологические требования к качеству игрушки и ее безопасности.

Во-вторых, игрушка может быть осмыслена как элемент, определяющий человеческое поведение (социологический ракурс исследования). Так, В. Вахштайн выделяет три типа игрушек: «игрушка-оснастка»,

«игрушка-октант», «игрушка-обстановка». «Игрушка-оснастка» задает фрейм – некую смысловую рамку для человеческих взаимодействий, суть которых опосредована материальными предметами, телесностью (например, водяной пистолет предполагает «перестрелку» между играющими). Игрушка-октант – партнер по взаимодействию (кукла), который часто предстает в игре как одушевленное существо. Игрушка-обстановка – физическая среда игровой коммуникации (бассейн, песочница) [4].

В-третьих, игрушка предстает как вещь – элемент повседневной культуры, носитель информации в системе ценностно-ментальных доминант эпохи, смыслового кода культуры. А. Сальникова отмечает: «Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному “прочитывается” повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни» [11, с. 9].

Порой в, казалось бы, непримечательных вещах может отразиться история эпохи, страны, народа. Скажем, во второй половине 1930-х гг. на фоне усиления в СССР патриотического воспитания, военной подготовки, оборонно-массовой работы появляется оборонная промышленная игрушка, «тематически связанная с военной техникой, историей, службой в Красной армии, защитой границ СССР, героями и событиями локальных конфликтов на Дальнем Востоке» [3, с. 401].

Игрушка – неотъемлемый элемент культурного пространства, в котором находится ребенок: это – часть интерьера детской комнаты, маркер родного дома как максимально близкого и освоенного места. Не случайно ситуации отъезда, путешествия, даже просто прогулки сопровождаются желанием ребенка взять с собой какую-либо игрушку.

В зарубежной и отечественной науке весьма востребованным оказался метод культурной биографии вещей (И. Копытофф) – антропология вещи, позволяющая осмыслить ее связь с человеком шире, чем это предлагает сделать экономическая теория, оперирующая понятиями потребительской и меновой стоимости. И. Копытофф отмечает, что «при выяснении биографии вещей можно задавать вопросы, аналогичные тем, что задают о людях: каковы в социологическом плане биографические возможности, допускаемые “статусом” вещи, данной эпохой и культурой, и как эти возможности реализуются? Откуда эта вещь взялась, и кто ее сделал? Какова была ее карьера, и что люди считают идеальной карьерой для подобных предметов? Каковы общепризнанные “эпохи” или периоды в “жизни” этой вещи, и как они культурно маркированы? Меняется ли использование вещи с течением времени, и что с ней случится, когда она исчерпает свою полезность?» [6, с. 137]. Представляется, что исследование культурной биографии игрушки имеет серьезную перспективу в отечественной науке.

В-четвертых, игрушка часто осмысляется в ракурсе психологии и педагогики как инструмент воспитания и образования, поскольку игра в детском и подростковом возрасте носит моделирующий характер. Особенно часто данный ракурс исследования встречается, если речь идет о народных художественных промыслах, в том числе и традиционной игрушке. Однако инструментальный подход к декоративно-прикладному искусству, с помощью которого решаются чисто педагогические задачи,стораживает.

Поисковые запросы «прикладное искусство», «народные промыслы» в Национальной электронной библиотеке (elibrary.ru) выдают огромное количество статей педагогической направленности, осмысление декоративно-прикладного искусства в иных ракурсах (даже искусствоведческом, что, казалось бы, очевидно) встречается значительно реже. Тем не менее, именно эти сведения – основа теоретической части на занятиях по народным художественным промыслам, без знания которых легко можно нарушить естественный ход развития конкретного вида традиционной игрушки, подменив ее квазитрадиционным промыслом-дублером, а художественная деятельность превратится в чистое ремесло. Кажущаяся простота народной игрушки, легкости ее выполнения привлекают в эту область лиц без профессионального образования, что служит дополнительным источником тревоги для ученых.

Любопытно, что дети сами могут осуществлять педагогические функции по отношению к любимой игрушке, реализуя в игровой форме модель взаимодействия между взрослыми и ребенком: «...я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянчал его, и сажал за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей... и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал» [5, с. 61]. Ребенок опекает игрушку как взрослый, моделирует знакомые ему ситуации в игровой форме (кормление, укладывание спать и др.), выступает в качестве воспитателя-наставника.

В-пятых, игрушка может быть понята как произведение искусства. В этом случае актуальными являются изучение регионального и типологического многообразия игрушки, исследование соотношения индивидуально-авторского и коллективно-традиционного начал в ней. Искусствоведческий анализ предполагает также исследование исторических процессов эволюции образно-смысловой составляющей игрушки.

Художественный облик игрушки обусловлен спецификой материала (дерево, береста, глина, текстиль, металл, пластмасса и т.д.), технологическими особенностями изготовления, часто определяемыми характеристиками местного сырья для игрушки, художественно-стилистическим своеобразием конкретного вида игрушки (например, влияние крестьянской или городской художественной традиции). Основные средства художественной выразительности игрушки: пластичность (скульптурность), конструктивность, цветовое решение (часто условно-декоративное, орнаментального характера).

Игрушка теснейшим образом вплетена в систему декоративно-прикладного искусства, будучи связанной с художественной обработкой дерева, косторезным и камнерезным искусством, гончарством (глиняная игрушка изначально формировалась как «побочный» промысел при гончарном деле, хотя производство керамики порой уходило на второй план, уступая место игрушке [7]), художественной обработкой металла, художественной вышивкой, декоративной росписью, а также со специфической областью фольклорной культуры – словесным и песенно-музыкальным творчеством (погремушки, свистульки).

Традиционная игрушка как вид искусства имеет две тенденции развития. С одной стороны, она может быть глубоко архаична в пластических и орнаментально-цветовых решениях, архетипична в своей образной системе, нести отголоски древних мифологических представлений. Такая игрушка «примитивна», но «примитивность» следует понимать как архетипичность [Там же], что позволяет сохранять и исследовать архаичную художественную традицию. С другой стороны, традиционная игрушка может и должна быть современна, востребована ребенком сегодняшнего дня, что предполагает тесную взаимосвязь игрушки и скульптуры малых форм, развитие в ней профессионального («академического») начала.

В-шестых, игрушка как феномен культуры – это прекрасный эмпирический материал для анализа ряда проблем современности: например, глобализации и ее векторов через соотношение национального и интернационального в игрушке [12].

Сложность игрушки как культурного феномена, укорененного в повседневности, делает предпочтительным ее исследование с позиций междисциплинарности. Однако можно заметить, что данные, получаемые в рамках отдельных частнонаучных дисциплин, «подтягиваются» к крупным научным дисциплинам, интерпретирующим и систематизирующим конкретные факты: культурологии, социологии, психологии и педагогике. Именно они и составляют «каркас» междисциплинарного исследования игрушки.

Список литературы

1. **Абрамов Р. Н.** Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5-23.
2. **Аликин В. А.** Хейзинга И., Делез Ж. об онтологических границах игры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-16.
3. **Андреева И. В.** «Игрушки, о которых мечтают наши дети»: оборонная игрушка в СССР в 1930-е годы (по материалам журнала «Советская игрушка») // Гороховские чтения: сборник материалов шестой региональной музейной конференции. Челябинск, 2015. С. 399-406.
4. **Вахштайн В.** К микросоциологии игрушек // Логос. 2013. № 2 (92). С. 3-38.
5. **Драгунский В. Ю.** Денискины рассказы. М.: АСТ, 2015. 248 с.
6. **Копытофф И.** Культурная биография вещей // Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 134-169.
7. **Кулешов А. Г.** Русская глиняная игрушка как вид народного творчества. Истоки и типология. М., 2012. 184 с.
8. **Лившиц Б.** Полутораглазый стрелец [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/84886/596/Lifshic_-_Polutoraglazyy_strelec.html (дата обращения: 10.12.2015).
9. **Орлова Г.** Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html> (дата обращения: 10.12.2015).
10. **Русская игрушка:** альбом-путеводитель по коллекциям Художественно-педагогического музея игрушки / сост.: С. В. Митурич. М.: Три квадрата, 2016. 224 с.
11. **Сальникова А.** История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.
12. **Соколова М. В., Мазурова М. В.** Герои современных мультфильмов в игрушках и играх дошкольников // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 80-85.
13. **Тихомиров С. А.** Место молодежных субкультур в системе современной городской культуры [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2011. № 3 (21). URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/784-20.html> (дата обращения: 10.12.2015).

TOY AS A PHENOMENON OF EVERYDAY CULTURE: PROSPECTS FOR INTERDISCIPLINARY STUDIES

Tikhomirov Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Culturology
Higher School of Folk Arts (Institute) in St. Petersburg
s-a-tikhomirov@yandex.ru

The toy is considered as a cultural universal, which is present equally in the children's world and the adults' world, has a historically changeable functional specific. The paper interprets the basic trends of studying the toy as a phenomenon of everyday culture from the viewpoint of interdisciplinary approach. The author points out that while interpreting and systematizing facts about the toy a crucial role belongs to such scientific disciplines as culturology, sociology, psychology and pedagogics.

Key words and phrases: toy; childhood culture; game; cultural biography of things; everyday culture; thing; traditional culture.